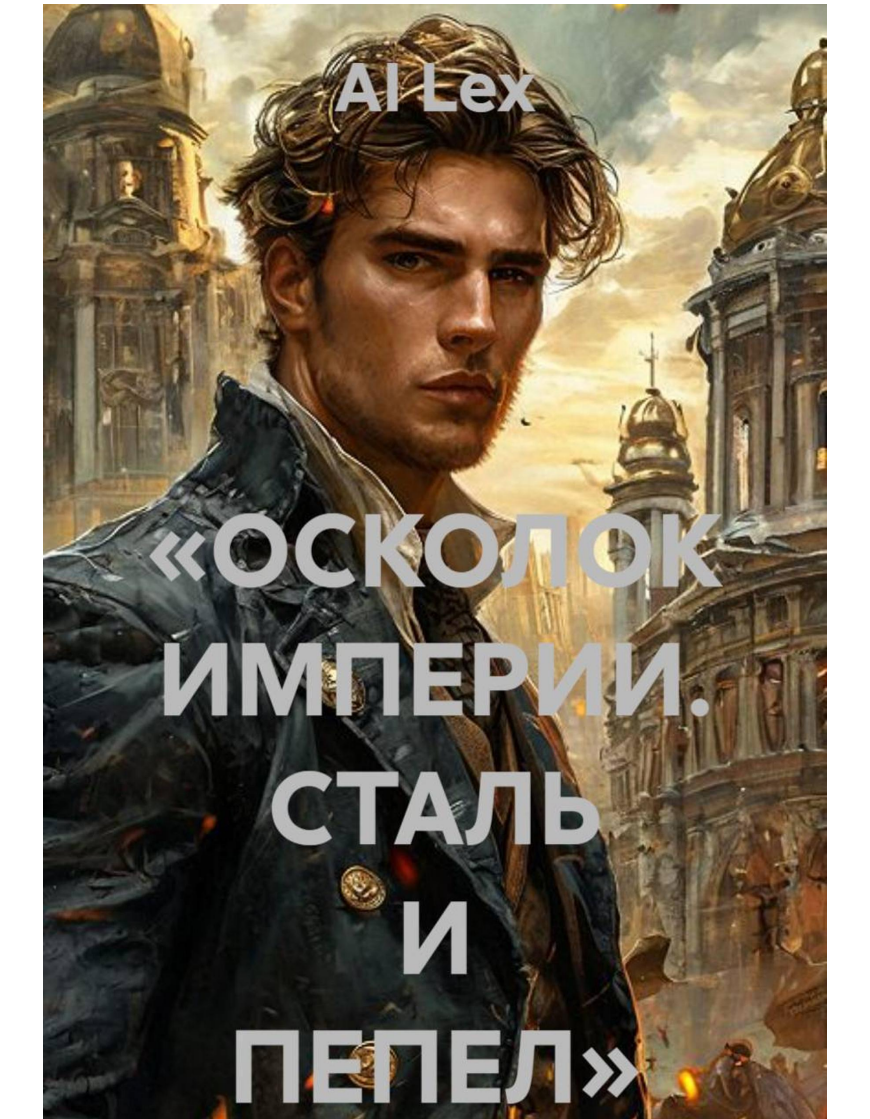

An AI-generated artwork featuring a young man with wavy brown hair and a light beard, looking intensely at the viewer. He is wearing a dark, textured jacket with a high collar and a small circular emblem on the left chest. The background is a dramatic, apocalyptic scene of a city with large, ornate domes, likely St. Isaac's Cathedral in Saint Petersburg, after a disaster. The sky is filled with smoke and fire, and the ground is covered in rubble and flames. The overall tone is somber and epic.

AI Lex

«ОСКОЛОК
ИМПЕРИИ.
СТАЛЬ
И
ПЕПЕЛ»

AI Lex

«ОСКОЛОК ИМПЕРИИ. СТАЛЬ И ПЕПЕЛ»

<https://litres.ru/74176368>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был военным хирургом из нашего мира. Погиб — и очнулся в теле молодого аристократа в параллельной Российской империи, где правят магические кланы, а техника застыла на эпохе пара. Он — «без искры», отверженный, беглец. Но когда за ним приходят убийцы клана Кирсановых, у него нет выбора: бежать, прятаться — или стать тем, кого боятся даже маги.

Вторая книга серии «Осколок империи» — это жесткий стимпанк-триллер о хирурге, который стал оружием. Михаил Соколов вживается в новый мир, но прошлое настигает его. Ему предстоит проникнуть в самое сердце заговора, столкнуться с «Проектом Воскрешение» — артефактом, способным передавать магию мёртвых живым, — и принять свою новую сущность. Сосуд. Человек, который может впитывать и отдавать магию. Или тот, кто разрушит империю дотла.

Сталь, пепел, политические интриги, дворцовые игры и война, где каждый выбор — вопрос жизни и смерти. Никакой пафосной

магии. Только кровь, пар и стальные нервы человека, который решил бороться до конца.

AI Lex

**«ОСКОЛОК ИМПЕРИИ.
СТАЛЬ И ПЕПЕЛ»**

Глава 1 НОЧНОЙ ХИРУРГ

Предисловие

Ты был военным хирургом. Не в этой империи, не в этом мире. Там, где война пахнет порохом, но не паровым, а другим. Там, где электричество — обыденность, а магия — сказка для детей.

Ты умер. Взрыв. Искра, боль — и пустота.

А потом открыл глаза. В теле. В чужом. В теле Михаила Соколова — младшего сына графа Петра Соколова из рода, что стоит у власти в Российской империи, где магия — не сказка, а закон. Где кланы правят, а без искры магии ты — никто. Пустое место. Наследник без дара. Изгой среди своих.

Империя эта — не та, что ты знал. Здесь пар двигает поезда и заводы, здесь не знают электричества, а наука подчинена магическим родам. И здесь у тебя есть враги. Твой отец мёртв, и это не случайность. На тебя уже было покушение. Ты сбежал. Бросил родовое гнездо, взял чужое имя — Михаил Ветров, лекарь, без роду и племени. И поселился в городе Верховске, где люди рубят сталь и топят уголь, а магия — привилегия тех, кто выше по крови.

Но прошлое не отпускает.

Ты думал, что сможешь залечь на дно. Стать никем. Лечить бедных и забыть, кем был. Но система, в которую ты попал, не прощает беглецов. И в первой книге ты понял глав-

ное: даже без искры ты можешь менять мир. Не магией — руками. Знаниями. Хирургическим скальпелем и головой, которая помнит, как работает другое время.

Ты сделал первый шаг.

Но в этой империи, где сталь и пепел перемешаны с кровью, первый шаг — только начало.

Глава 1 НОЧНОЙ ХИРУРГ

Верховск встречал ночь паром.

Не тем тяжелым, густым, какой бывает в деревнях, — здесь он был другой, маслянистый, с привкусом угольной гари и машинного масла. Город дышал через тысячи труб, выдыхал в небо копоть, и эта копоть оседала на кирпичных стенах, оставляя на них влажные полосы, похожие на царапины зверя. Михаил Ветров, которого месяц назад звали Соколовым, стоял у раскрытого окна своей комнаты и смотрел, как закат догорает в щелях между заводскими цехами. Закат был красным — слишком красным, как будто небо натянули на рану.

Он не любил этот цвет. После Афгана он вообще перестал верить в приметы, но красный закат всегда означал: ночью будет работа.

Окно выходило во внутренний двор лечебницы, где дворник Пахом уже зажег масляный фонарь. Свет был жидким, желтым, он выхватывал из темноты мокрую брусчатку и ржавый водосток. Пахом кашлянул, сплюнул — гулко, как выстрел в пустом колодце. Мишка хмыкнул. Пахом был единственным человеком в Верховске, кто не задавал вопросов. Он просто жил, чистил двор, топил печи и иногда приносил Мишке самогон в жестяной фляге — не для компании, а потому что "доктору надо". Мишка тогда впервые за месяц

улыбнулся. Настоящей улыбкой, не дежурной.

— Господин Ветров, — раздалось за спиной. Голос был тихим, но твердым. — К вам посетитель.

Мишка обернулся. В дверях стояла Агафья, старшая сестра лечебницы. Женщина лет пятидесяти, с лицом, которое война и нужда вырезали из камня. Она держала в руках медный поднос с пустым стаканом — ритуал, ничего больше. Агафья никогда не приносила ничего важного на подносе, она просто держала его, как щит.

— В такое время? — Мишка перевел взгляд на часы на стене. Без четверти десять. В Верховске это была глубокая ночь — заводы начинали глохнуть, ремесленники закрывали лавки, и даже трактиры работали вполсилы.

— Он не говорит, кто он, — Агафья качнула головой. — Но я его знаю. Офицер. Серебряные погоны. Только их ободрали, как ободранную кошку. Без знаков отличия, но выправка, господин Ветров... У меня муж был артиллеристом, я такие спины узнаю.

Мишка прикрыл глаза. Серебряные погоны без знаков — это либо дезертир, либо разжалованный, либо тот, кто не хочет, чтобы его узнали. В Верховске таких хватало. Город был портовым, промышленным, грязным — отличным местом, чтобы затеряться.

— Пусть войдет, — сказал Мишка, застегивая верхнюю пуговицу сюртука. Сюртук был поношенным, но чистым — стирал его сам, потому что прачка в подвале брала за работу

пять копеек с рубашки, а Мишка эти пять копеек предпочитал тратить на хлеб и свечи. Свечи были дорогими, но он не мог читать при масляной лампе — от нее болели глаза. Не те, старые, которые остались от Алексея Горского, а эти, новые, которые он получил вместе с телом Михаила Соколова. Парадокс: он помнил, как читал при свечах в девятнадцатом веке, хотя сам был из века двадцать первого. Но теперь он жил здесь, в этом времени, в этом мире, где паровые машины рычали, как раненые звери, а вместо электричества использовали магические кристаллы — если, конечно, у тебя было право их использовать. А у него, у "без искры", — нет.

Шаги за дверью — тяжелые, уверенные. Дверь открылась без скрипа: Мишка лично смазывал петли касторовым маслом. Привычка военного хирурга — тишина в операционной важнее всего.

Вошедший был высок ростом, плечист, но в плечах чувствовалась болезненная худоба, как у человека, который недавно голодал. Глаза — серые, глубоко посаженные, с красными прожилками, выдающими недосып и, возможно, горе. Одет он был в походный мундир без погон, но Мишка сразу заметил следы от серебряных нитей на сукне. Неумело ободраны — торопился. Ремень перетянут на две дырки, сапоги начищены до скрипа, но на левом каблуке стертость — хромал.

— Господин Ветров? — спросил вошедший. Голос сиплый, с хрипотцой курильщика.

— Садитесь, — Мишка указал на стул у стола. — Чай или что-то покрепче?

— Я не чай пить пришел, доктор.

— Значит, что-то покрепче. — Мишка достал из шкафа початую бутылку коньяка. Треть бутылки ушла на обработку инструментов в полевых условиях — спирта в лечебнице не было, а коньяк имелся. Он налил в два стакана, протянул один гостю. Тот взял, не глядя, и осушил залпом, даже не поморщившись.

— Хороший. Где берете?

— В аптеке, — Мишка улыбнулся одними уголками губ.

— Врачебная тайна.

— Врачебная тайна, — гость усмехнулся, и эта усмешка была похожа на трещину в старом стекле. — Значит, вы врач. Я слышал о вас, доктор Ветров. Говорят, вы можете отрезать ногу, и человек заговорит стихами.

— Это преувеличение. Но ногу отрезать могу. — Мишка сел напротив, сложил руки на столе. — Кто вы и что вам нужно?

Гость помолчал. Он смотрел на свои руки — крупные, с мозолями на ладонях, но с чистыми, коротко стриженными ногтями. Солдатские руки, но в них чувствовалась привычка к чистоте. Офицер, но не строевой. Штабной, возможно. Или инженер.

— Меня зовут Сергей, — наконец сказал он. — Сергей Коновалов.

Мишка замер. Имя ничего ему не говорило, но интонация, с которой гость его произнес, была особенной — так люди говорят, когда называют себя теми, кто не должен быть в списках живых.

— Сергей Коновалов, — повторил Мишка, пробуя имя на вкус. — Я вас не знаю.

— А вы должны, доктор. — Коновалов подался вперед, и масляный свет метнул тень на его лицо, выделив резкую линию скул. — Вы — Михаил Соколов, младший сын графа Петра Соколова, бежавший из родового имения в ночь убийства отца. Вы живете под чужим именем, лечите бедных, но за вами пришли. За вами пришли, доктор, и скоро они будут здесь.

Мишка почувствовал, как холод пробежал по позвоночнику — холод, не имеющий отношения к ночной сырости. Он ничего не сказал, выдержал паузу, которая в старом русском романе была бы описана как "мучительная", а на самом деле просто требовала собранности.

— И откуда у вас такие сведения? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я был в Комитете Спасения. — Коновалов произнес это так, словно речь шла о клубе любителей шахмат. — До того, как стал дезертиром. Я знаю все, доктор. Я знаю, кто вы, и я знаю, почему вы здесь. Но сейчас не об этом. — Он вдруг схватился за левый бок, зашипел, и только тогда Мишка заметил темное пятно на мундире — в районе печени.

— Вы ранены, — констатировал Мишка, вставая. — Снимите мундир.

— Я пришел не за этим.

— Снимите мундир, или я вас вышвырну. У меня нет времени на героизм.

Коновалов посмотрел на него так, как смотрят на человека, который только что перешел невидимую черту. Но потом медленно расстегнул пуговицы, снял мундир, затем — рубаху. Под ней оказалась повязка из грязной марли, пропитанная сукровицей и чем-то темно-коричневым. Мишка присвистнул сквозь зубы.

Рана была неглубокой — кинжал или осколок, скользнул по ребрам, не задев брюшину. Но она была грязной. Четыре дня, не меньше, без нормальной перевязки. Края покраснели, пошла синева — начиналась гангрена.

— Вы идиот, — сказал Мишка спокойно. — Вы пришли ко мне за помощью, но начали с угроз. Есть разница между тактикой и самоубийством.

— Мне нужно было проверить вас, — прохрипел Коновалов, когда Мишка начал срезать повязку хирургическими ножницами. Ножницы были старыми, но Мишка сам затачивал их на оселке по ночам.

— Проверили? И что вы поняли?

— Что вы — тот, кто нужен, — Коновалов закусил губу, когда Мишка промыл рану спиртом. — Тот, кто не боится запаха крови. — Он замолчал, стиснул зубы. — И тот, кто

не задает лишних вопросов. Просто делает.

— Это потому, что я хирург, — ответил Мишка, накладывая швы. Швы он делал так же, как когда-то в полевом госпитале — крупными, надежными стежками, оставляя пространство для дренажа. — Я вижу рану и вижу, как ее зашить. Это не храбрость, это профессия.

— А если я скажу, что они знают, что вы здесь? — голос Коновалова дрогнул, потому что Мишка ввел иглу глубже. — Кирсановы. Их люди уже в городе.

Мишка замер на мгновение. Кирсановы — великий клан, одни из тех, кто управляет магической аристократией. Те, у кого есть искра, а значит — власть. И они ищут его. Он знал, что рано или поздно это случится, но не думал, что так скоро.

— Вы уверены? — спросил он.

— У меня есть глаза. — Коновалов болезненно усмехнулся. — Я видел их агентов на вокзале. Они опрашивают всех врачей. Их интересует молодой доктор, который лечит бедных и не берет платы.

— Я беру плату, — резко возразил Мишка. — Я беру хлеб, картошку, иногда одежду. Я не благотворительное общество.

— Значит, они знают, что вы берете картошку. — Коновалов замолчал, давая Мишке закончить операцию. Когда швы были наложены и повязка закреплена, он медленно оделся и встал. — Я могу уйти. Но учтите, доктор: вас вычислили. Ес-

ли вы не хотите умереть, приходите завтра в полдень к старому мосту. Я проведу вас к тем, кто может защитить вас.

— К Комитету Спасения?

— Они называются иначе. — Коновалов надел мундир, застегнулся. — Мы называем себя "Горновые". Знаете, что это такое?

Мишка покачал головой. Он вспомнил — в старой России горновыми называли рабочих, которые обслуживали доменные печи. Они стояли у самого жерла, вдыхали жар и плавил металл. Рисковали жизнью каждый день.

— Мы те, кто раздувает угли, — сказал Коновалов. — Мы не кланы, не маги. Мы просто люди, которые поняли, что пора менять мир. Или сгореть в нем.

Он пошел к двери, но у порога остановился.

— Спасибо, доктор. За рану. Но если завтра вы не придете, я приду к вам снова. И не для того, чтобы лечиться.

Дверь закрылась. Шаги затихли в коридоре. Мишка остался один.

Он подошел к окну. Внизу, во дворе, Пахом все так же стоял у фонаря, но теперь он смотрел не на брусчатку, а вверх — прямо на Мишку. Старик медленно поднял руку и провел пальцем по горлу — жест, означающий "берегись".

Мишка выдохнул, задернул занавески и выключил свет. Он сел на край кровати и закрыл глаза.

Мысли неслись, как паровой экспресс под откос. Кирсановы. Комитет Спасения. Коновалов с его шрамом и темны-

ми тайнами. И он — Михаил Соколов, он же Алексей Горский, военный хирург из будущего, беглец и "без искры". Он думал, что, изменив имя, он сможет начать с нуля. Но мир был устроен так, что ноль существует только в математике. В реальности у него всегда было прошлое, и это прошлое тянуло его назад.

Он посмотрел на свои руки. Руки хирурга — длинные пальцы, чистые ногти. У него были руки убийцы. Он знал это, потому что на войне убивать приходилось не только скальпелем. Но сейчас он не хотел убивать. Он хотел жить. Просто жить — как обычный человек, без магии, без кланов, без долгов перед мертвыми.

Но выбор, похоже, был уже сделан.

Утро пришло серым, тяжелым — как будто ночь не ушла, а просто перекрасилась. Мишка проснулся в пять, как привык за месяц, умылся холодной водой из рукомойника, надел чистую рубашку и спустился вниз.

Лечебница была двухэтажным зданием из красного кирпича, которое местные называли "домом скорби" — не из-за больных, а из-за того, что фундамент заложили на месте старого кладбища. Мишке это было все равно. Он работал в первом этаже, где оборудовал приемную и малую операционную. На втором были палаты на десять коек — туда клали тех, кто мог платить, а точнее, тех, за кого платили родственники или заводская касса.

Сегодня Мишку ждало расписание, которое он не состав-

лял — а само сложилось. Первый прием — рабочий с лейки, который засыпал известью глаза; второй — женщина, которую муж избил до потери сознания; третий — ребенок с сильным жаром. Все это было обыденностью Верховска, где здоровье стоило дороже, чем человеческая жизнь.

Но сегодня Мишку насторожил странный звук. Сначала он не понял, что именно его беспокоит, но потом осознал: за окном приемной, на улице, было тихо. Слишком тихо. В городе, где даже в пять утра гремели повозки и рычали паровозы, тишина была неестественной, как больная тишина в палате перед агонией.

Он подошел к окну, отодвинул занавеску. Улица была пуста. Ни прохожих, ни телег, ни даже обычных бродячих собак. Только ветер гнал по булыжникам газетный клочок, и этот клочок казался Мишке знакомым — как будто он видел этот кусок бумаги раньше.

Внезапно дверь в приемную распахнулась, и влетела Агафья.

— Господин Ветров, они здесь! — закричала она. — Солдаты! На площади!

Мишка схватил с вешалки сюртук и выбежал на улицу.

На площади перед лечебницей стояли повозки — обычные армейские фургоны, но в них сидели не солдаты. Там сидели люди в длинных темных плащах — Мишка сразу узнал их по вышитому клановому гербу: скрещенные мечи над земным шаром. Это были кирсановские наемники. "Храни-

тели порядка", как они себя называли, но Мишка знал другую правду.

В центре площади стоял человек в штатском. Он был высок, сед, с гладко выбритым лицом и зелеными глазами, которые смотрели с холодной вежливостью, как у директора банка, пришедшего отбирать имущество.

— Господин Ветров? — спросил он, когда Мишка подошел. — Позвольте представиться: Алексей Григорьевич фон Рейнсберг, частный поверенный клана Кирсановых.

— Не знаю такого, — ответил Мишка, скрестив руки на груди. — Но я слушаю.

— Вы, как я понимаю, являетесь лекарем и живете в этом городе уже месяц. — Фон Рейнсберг говорил так, будто читал по бумажке, хотя бумажки у него не было. — Нас интересует один вопрос: не принимали ли вы на днях пациента с огнестрельным ранением?

Мишка на мгновение задумался. Коновалов был ранен кинжалом, не огнестрелом. Но он чувствовал ловушку. Если он скажет "нет" — эти люди могут перекопать лечебницу. Если скажет "да" — придется объяснять, кто и где.

— Я принимал многих пациентов, — ответил Мишка уклончиво. — В городе много травм. Если вы дадите имя, я проверю записи.

— Имя нам неизвестно. — Фон Рейнсберг качнул головой, и его губы тронула тонкая, почти паучья улыбка. — Но мы знаем, что этот человек скрывается от правосудия. И мы

знаем, что он навещал вас вчера вечером.

Мишка похолодел. Они следили. Кто-то видел Коновалова. Возможно, Пахом? Нет, старик был на его стороне. Но в лечебнице были и другие люди — больные, уборщики, соседи.

— Вы ошибаетесь, — сказал Мишка твердо. — Вчера у меня был только один посетитель — пьяница, который хотел перевязать порез от бутылки. Я отправил его в городскую полицию.

— Лжете, — сказал фон Рейнсберг так спокойно, что это прозвучало хуже, чем крик. — Мы проверили. Пьяницы не было. — Он сделал шаг вперед, и наемники из фургонов начали выбираться наружу. Их было человек десять — все при оружии, с короткими палашами и револьверами.

Мишка вдохнул. Адреналин прожег вены, как кислота. Он знал, что делать — на войне он попадал в такие ситуации не раз. Главное — не дать загнать себя в угол. У него был только один путь — через дверь лечебницы, а оттуда — к старому мосту. Но эти люди не дадут ему уйти.

— Господа, — сказал он громко, — вы находитесь на территории лечебницы, которая подчиняется городскому магистрату. Я прошу вас покинуть это место, иначе я вызову полицию.

— Полиция, — рассмеялся фон Рейнсберг. — Доктор, полиция здесь — это мы. Верховск не Москва, здесь порядок обеспечивают те, кто платит. А платим здесь мы. — Он по-

дал знак наемникам, и те разомкнулись, окружая Мишку полукольцом.

Мишка лихорадочно думал. У него было всего несколько секунд. В лечебнице — Агафья, больные, дети. Если начнется перестрелка, они погибнут. Но и сдаваться он не мог — его убьют или, что хуже, доставят в родовое гнездо Кирсановых, где будут пытать, пытать, пока он не расскажет все, а затем — или сожгут как "без искры" или превратят в подопытного кролика.

— Хорошо, — сказал он, поднимая руки. — Я пойду с вами. Только позвольте мне предупредить медперсонал и пациентов.

— Доктор, — усмехнулся фон Рейнсберг, — вы не в том положении, чтобы ставить условия.

— Тогда стреляйте, — ответил Мишка, глядя ему прямо в глаза. — Стреляйте. Здесь, на площади, перед детьми, которых я лечу. Я не знаю, что вы там ищете, но я знаю, что вы не хотите скандала. Клан Кирсановых — и резня в лечебнице. Это не тот заголовок, который украшает репутацию.

Фон Рейнсберг задумался. Его лицо осталось непроницаемым, но Мишка видел, как он сжал зубы — мелкая гримаса, которая выдала его. Он блефовал, но блефовал правильно.

— У вас есть три минуты, — сказал фон Рейнсберг. — Если вы не выйдете, мы войдем.

Мишка кивнул, развернулся и быстро пошел в лечебницу. — Агафья! — крикнул он, как только зашел внутрь. —

Закрывай двери на засов. Пусть все больные спускаются в подвал.

— Что происходит, господин Ветров? — спросила она, бледная как мел.

— Они ищут меня. Я уйду через задний двор. Вы ничего не знаете, меня здесь не было, я уехал вчера в уезд. Поняли?

Агафья кивнула, хотя в глазах стоял ужас. Мишка быстро прошел через коридор, выскочил в заднюю дверь, перепрыгнул через забор, о который опирался сарай, и побежал по проулку в сторону старого моста.

Старый мост перекидывался через канал, который разделял Верховск на две части — промышленную и жилую. Мост был железным, ржавым, давно закрытым для проезда, потому что пролет начал проседать. Но по нему можно было пройти пешком — если не бояться высоты и шума паровых машин внизу.

Мишка бежал, не оглядываясь. Сзади, через квартал, слышались крики и топот сапог — они обнаружили его уход. Он выскочил к мосту и замер.

На середине моста стоял Коновалов.

— Доктор, — произнес он. — Я знал, что вы придете. Рано или поздно.

— Я не пришел, меня пригнали, — ответил Мишка, хватая ртом воздух. — Они знают. Они знают все. Кто следил за нами?

— Не сейчас, — Коновалов схватил его за руку и потащил

вниз, к каналу. Там, у самой воды, была спрятана лодка — обычный ялик, такой же ржавый, как мост. — Садитесь. Они не найдут нас на воде.

Мишка спустился, Коновалов оттолкнулся веслом от причала, и лодка бесшумно скользнула под мост в тень. Сверху прогрохотали шаги — наемники пронеслись по мосту, не глядя вниз.

— Они глупы, — сказал Коновалов, когда шаги стихли. — Кирсановы хороши в политике, но плохи в охоте. Их люди привыкли бить, а не искать.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал Мишка, глядя ему в глаза. — Кто следил за нами?

Коновалов помедлил, потом сказал:

— Ваш старый дворник, Пахом. Он был убит час назад. Когда они пришли, он пытался их остановить, кричал, что вы уехали. Они застрелили его прямо на улице. Два выстрела в грудь.

Мишке показалось, что земля ушла из-под ног. Пахом. Старик, который приносил самогон и называл его "доктором". Который кашлял по ночам и чистил двор. Он улыбнулся Мишке утром, когда тот спускался вниз. И теперь он мертв.

— Они заплатят, — сказал Мишка. Он не знал, прозвучало это угрозой или обещанием. Наверное, и тем, и другим.

— Мы им заплатим, — подтвердил Коновалов. — Но сначала — вы должны выслушать меня. Полностью, без пере-

биваний.

Лодка вошла в узкий проток под заводским цехом, где вода была черной от масляных стоков. Коновалов привязал лодку к свае и жестом показал Мишке на ржавую лестницу.

Они поднялись в подвал, потом по еще одной лестнице — и оказались в маленькой комнате без окон, которую освещала единственная масляная лампа. На стенах висели карты, на столе — стопка бумаг, рядом лежала раскрытая папка.

— Садитесь, — сказал Коновалов, опускаясь на табурет. — Вы уже сделали выбор, когда ушли от Кирсановых. Теперь вам нужно узнать, что мы делаем и зачем.

Мишка сел на жесткий стул. В комнате пахло машинным маслом и порохом — запахи войны. Он вдруг вспомнил свой прошлый мир, свой прошлый век — Афган, госпиталь, яркий свет операционной, звук мониторов. А здесь были свечи, масло и кровь.

— Итак, — начал Коновалов. — Клан Кирсановых — это не просто аристократы. Это люди, которые хотят уничтожить империю. Они накопили огромную магическую силу, и с помощью некоего артефакта, который они называют "Проектом Воскрешение", могут передавать магию умерших живым. Вы понимаете, что это значит?

— Вечные маги, — тихо сказал Мишка. — Бессмертные?

— Нет, не бессмертные. Но они могут аккумулировать силу. То есть если раньше человек рождался с искрой или без, и все, то теперь искру можно купить. Или отнять.

— И вы хотите остановить их.

— Мы хотим не только остановить их. — Коновалов подался вперед. — Мы хотим разрушить систему. Эта империя построена на магии, на крови, на кланах. Простые люди — они как пушечное мясо. У них нет прав, нет будущего. У них даже нет права на гнев. А Кирсановы — только вершина айсберга. Если мы остановим их — остальные кланы просто займут их место.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю вам вступить в наш Комитет. — Коновалов достал из папки документ — подписанный и скрепленный сургучом. — Вы уникальны, доктор. Вы — человек без искры, но с сердцем хирурга. Вы можете видеть магию как систему, а не как данность. И у вас есть знание, которого нет у нас — знание, которое пришло из другого мира. — Он посмотрел Мишке прямо в глаза. — Я знаю, кто вы. Я знаю, откуда вы. Я не знаю, как это возможно, но я знаю, что вы — тот, кто нужен.

Мишка замер. Лампа замигала, масло прогорело, и тени затанцевали по стенам. Он смотрел на Коновалова и видел фанатика. Не безумца, нет — фанатика с холодным рассудком, который верит в цель больше, чем в себя.

— Если я скажу "нет"? — спросил Мишка.

— Вы не скажете "нет", — ответил Коновалов. — Потому что они убили Пахома. Потому что они убили вашего отца. Потому что они идут за вами, и пока вы живы, они будут

идти за вами, и за теми, кто вас любит, и за теми, кто просто оказался рядом. — Он замолчал. — Мы должны нанести удар первыми. Это единственный шанс.

Мишка закрыл глаза. Он слышал это раньше, в своей старой жизни — "первый удар", "превентивная война", "стратегическое преимущество". Все это было ложью. Но сейчас у него не было иллюзий. Кирсановы действительно убьют его. И не только его. Агафью, больных, всех, кто видел его лицо.

— Что я должен сделать? — спросил он, открывая глаза.

Коновалов улыбнулся — впервые за вечер. Улыбка была жесткой, как сталь.

— Мы хотим, чтобы вы внедрились в лазарет клана Кирсановых. Они набирают персонал для нового госпиталя в Кронштадте. Им нужен талантливый хирург, который умеет работать с боевыми травмами. Вы подходите идеально.

— Но они будут меня искать. Фон Рейнсберг видел меня.

— Мы позаботимся об этом. — Коновалов встал, прошелся по комнате. — Завтра будет запущена дезинформация: доктор Ветров погиб при пожаре в лечебнице. Тело будет найдено, опознание проведут наши люди. Вы станете кем-то другим. Новое имя, новая легенда.

— И что дальше?

— Дальше — вы доберетесь до "Проекта Воскрешение". Узнаете, как он работает. Или уничтожите его. Или направите против тех, кто его создал. — Коновалов пожал плечами. — Я не знаю, какое решение будет правильным. Но я знаю,

что вы сможете его принять.

Мишка сидел неподвижно. В комнате было холодно, и он чувствовал, как дрожь пробирает его до костей. Он был военным хирургом. Он спасал жизни. И теперь он должен был стать шпионом, диверсантом, возможно — убийцей.

Но за его спиной уже лежали трупы. Его прошлая жизнь, его прошлая смерть, его новое тело, и теперь — Пахом, старик с добрыми глазами, который не хотел зла.

— Хорошо, — сказал Мишка. — Я сделаю это.

Коновалов достал из ящика стола стакан и бутылку. Налил. Протянул Мишке.

— За новый мир, — сказал он.

Мишка взял стакан, посмотрел на мутную жидкость — самогон, пахнувший хлебом и дымом.

— За Пахома, — ответил он.

Они выпили.

Лампа догорала, и тени стали длиннее. Где-то наверху, над старым мостом, выли заводские сирены — начиналась новая смена, и город оживал.

Мишка смотрел на свои руки. Руки хирурга, которые держали скальпель и спасали жизни. Скоро эти руки будут держать оружие. Скоро они будут убивать. Или его убьют.

Но он уже принял выбор.

Завтра он станет другим человеком. И он найдет "Проект Воскрешение" — и решит, что с ним делать.

А если он умрет — то умрет не зря. Как Пахом.

Как его отец.

Как он сам, первый раз.

В комнате воцарилась тишина. Коновалов ушел в соседнюю комнату — проверять какие-то бумаги. Мишка остался один.

Он встал, прошелся по комнате, рассматривая карты. Карты были странными: Верховск, Кронштадт, Москва, но линии на них были проложены не по дорогам, а по каким-то иным маршрутам — через леса, через болота, через места, где на картах были пустые пятна.

— Что это? — спросил он, когда Коновалов вернулся.

— Магические линии, — сказал тот. — Это транспорт для магов. Они двигаются не по земле, а по искре. Быстрее поездов. Незаметнее. Кирсановы используют их постоянно.

— И вы можете по ним отследить?

— Нет. Но мы знаем их узлы. Один из таких узлов — Кронштадт. Там база, там артефакт. — Коновалов посмотрел на часы. — Вам нужно поспать. Завтра в пять утра выходим. Ваша новая легенда готова.

— Расскажите.

— Вы будете доктором Николаем Зверевым, выпускником Московского университета, специалистом по тропическим болезням. Правда, у нас сейчас не тропики, но в Кронштадте есть цинга, и это близко. — Коновалов усмехнулся. — Вы владеете немецким, знаете хирургию, у вас нет искры, но это в вашу пользу: без искры не подозревают в магических

интригах. Вас возьмут как специалиста, рабочую лошадь.

— А если меня проверяют?

— Мы подделали документы лучше, чем у самого императора. — Коновалов протянул Мишке паспорт и рекомендательное письмо. — Ваша подпись уже там. Я надеюсь, вы помните, как подписывали документы в прошлой жизни?

Мишка усмехнулся.

— Я помню все.

Он взял документы, полистал. Фотография была его, но с другой прической, в других очках. Паспорт был мятым, затертым — выглядел настоящим, как будто его носили в кармане годами.

— Вы продумали все.

— Я продумал почти все. — Коновалов стал серьезным. — Но есть одна вещь, которую я не могу контролировать. Ваша магия, вернее, ее отсутствие. Кирсановы могут использовать артефакты, которые сканируют человека на наличие искры. Если они поймут, что вы — "без искры", вас могут убить на месте. Или хуже.

— Я знаю, — Мишка встал. — Но я не могу изменить это.

— Нет, можете. — Коновалов подошел к столу, открыл еще один ящик и вытащил маленькую шкатулку. Внутри лежал амулет — кусок зеленого стекла на медной цепочке.

— Что это?

— Это — поддельная искра. — Коновалов подал ему. — Амулет создает поле, которое обманывает магические ска-

неры. Он покажет, что у вас есть искра, самая слабая, незаметная. Носите не снимая.

Мишка взял амулет. Стекло было холодным, тяжелым, как кусок льда. Он повесил его на шею, и сразу почувствовал тепло, разлившееся по груди.

— Как это работает? — спросил он.

— Лучше не знать, — ответил Коновалов. — Но помните: он работает только на один месяц. После этого вам нужно будет подзаряжать его у наших людей в Кронштадте. Иначе вы станете видимым.

— На один месяц, — повторил Мишка. — А если я не успею?

— Вы успеете. — Коновалов сказал это твердо, но в голосе проскользнула тень сомнения. — Вы успеете, потому что я верю в вас, доктор. И потому что другого шанса у нас не будет.

Он не спал этой ночью. Спал его другой — Алексей Горский, военный хирург, — заснул давно, в прошлой жизни, и теперь просыпался только в моменты опасности. Мишка лежал на жесткой койке, смотрел в потолок и слушал, как вода капает в канале, рядом с которым они укрылись.

Мысли крутились, как белка в колесе. Он думал об отце — графе Петре Соколове, которого убили в родовом имении, о том, что он даже не успел его похоронить по-человечески. Он думал о матери — ее не было в этом мире, потому что в этом мире его мать умерла при родах, и он вырос без

тепла, без ласки, и теперь, когда он стал взрослым, он все равно чувствовал эту пустоту.

Он думал о своем мире, своем старом мире, где были скальпели и антибиотики, где была наука и война, где он умер от пули, но успел сделать операцию до того, как его сердце перестало биться. Он вспомнил, как пахло в операционной — йодом и кровью, как свет лампы слепил глаза, как сестры подавали инструменты молча. И он вспомнил холод — холод, с которым он встретил смерть. Это был не страх. Это была тишина.

А теперь он снова жил. В другом теле, в другом мире, с другим именем. И у него была новая рана — не на теле, а в душе. Рана от потери человека, которого он знал всего месяца, но который стал ему почти отцом.

Пахом.

Мишка закрыл глаза и представил его лицо — морщинистое, доброе, с вечно слезящимися глазами. И вдруг почувствовал, как гнев и печаль переплетаются в груди. Он знал, что нельзя поддаваться эмоциям — они делают слабым. Но он был человеком, а не машиной. И чувства были частью его.

Когда рассвет начал пробиваться сквозь щели в потолке, Мишка встал. Он умылся из рукомойника, надел новую рубашку, которую Коновалов оставил рядом с койкой. Рубашка была белой, накрахмаленной, с высоким воротником — как у столичного врача. Это была роль, и он должен был сыграть ее идеально.

Коновалов уже ждал его в основной комнате.

— Завтрак, — сказал он, показывая на стол. Там были ржаной хлеб, сало, чай. — Ешьте. Путь будет долгим.

— Как мы доберемся до Кронштадта? — спросил Мишка, садясь за стол.

— Пароходом. Сегодня вечером. Вы поедете как пассажир третьего класса. Никто не обратит внимания на бедного врача. Документы с вами. Легенда отработана. — Коновалов сел напротив, но не притронулся к еде. — Я поеду отдельно, первым классом. Если что — мы встретимся на месте.

— Я сам найду выход?

— Вы сами все решите. — Коновалов посмотрел на него с каким-то странным выражением. — Вы умеете выживать, доктор. Это я знаю точно.

Мишка поел молча. Хлеб был черствым, сало — соленым, чай — горьким. Но это была еда, и он благодарно принял ее.

Когда солнце поднялось над городом, Коновалов проводил его до причала, где стоял старый, обшарпанный пароход. Труба парохода извергала клубы дыма, смешанного с паром.

— Вам туда, — указал Коновалов на носовую часть, где сновали пассажиры с узлами и корзинами. — Удачи, доктор.

Мишка кивнул, поднялся по сходням и скрылся в толпе.

Когда пароход отчалил и Верховск начал удаляться, он вышел на палубу и встал у поручней.

Город растворялся в утреннем тумане. Трубы заводов исчезали за серой пеленой, и только колокол собора звенел над

водой — прощально и тревожно.

Мишка сжал пальцами холодный металл поручней.

"Я вернусь, — подумал он. — Я вернусь и отомщу за Пахома. Я спалю их проект. Я разрушу их империю. Или погибну, пытаясь сделать это."

Он не знал, что ждет его впереди. Но одно он знал точно: он больше не будет беглецом. Он будет охотником.

Пароход набирал ход, рассекая черную воду канала.

Позади оставался Верховск.

Впереди был Кронштадт — и судьба империи.

Конец главы 1.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.